

Святой страстотерпец, благоверный князь Угличский, царевич Димитрий, Московский и всея России Чудотворецъ.

Аще рабъ твой и убійца земаго тя царства я лиши, ты же вмѣсто того, страдальче Димитріе, небесное воспримъ еси и тамо наслаждаяся Божественныхъ красотъ и веселія, моли Христа Бога даровати намъ велию милость.

Тропарь 1-й пѣсни канона

Въ виду возбужденнаго въ послѣднее время вопроса о томъ, что убить былъ будто бы не Царевичъ Димитрій, а другой какой-то отрокъ, приведемъ здѣсь выдержки о семъ предметѣ изъ статьи В. Бильбасова, напечатанной въ V книжкѣ „Русской Старины“ за 1898 годъ: „Кто-бы ни былъ первый „Ижедмитрій“ — разстрига-ли Григорій Отрепьевъ, сынъ-ли Стефана Баторія, галицъ-польскаецъ или какой иѣмъ-чинею неизвѣстный—не подлежатъ сомнѣнію, что онъ былъ „Ижедмитрій“. Русскіе люди никогда въ этомъ не сомнѣвались, ни даже тогда, когда съ крестами и хоругвями встрѣчались „Ижедмитрія“, при колокольномъ звонѣ, и присягали ему, какъ своему законному царю Димитрію Іоанновичу. Въ этомъ собственно и заключалось все значеніе русской смуты того времени. Къ этой русской смутѣ, полной глубокаго смысла, примѣшалась вскорѣ смута иного рода, смута иноземная, построенная на фантастическомъ спасеніи Царевича Димитрія и провозглашавшая „Ижедмитрія“ сыномъ Іоанна IV“.

Въ русскихъ источникахъ—отъ „Иного сказанія о само-

званцахъ“ до „Губтошнен о многихъ мятежахъ“—вовсе не упоминалось о спасеніи Царевича Дмитрія въ Угличѣ, Русскіе люди писали мало, но тѣ, которые писали, хорошо знали, о чемъ пишутъ, и имъ не представлялось надобности фантазировать для объясненія факта, имъ, русскимъ, въ то время вполне понятнаго. Не то иноземцы. Чуждое ихъ пониманію явленіе русской жизни—признаніе законнымъ царемъ завѣдомаго самозванца—требовало искусственнаго разъясненія: въ Угличѣ убитъ былъ не Царевичъ, малолѣтній Дмитрій былъ подмѣненъ, увезенъ, скрывается 13 лѣтъ и въ Краковѣ впервые признавъ сыномъ Іоанна IV Такова канва у Маржерета, Бареццо-Барецци, Марины Мнишекъ, Маскѣвича, Геркмана и др. Изъ иностранныхъ источниковъ только Масса повѣствуетъ во всемъ согласно съ русскими объ убіеніи Дмитрія Царевича въ Угличѣ и о самозванствѣ Григорія Отрепьева; Мартинъ Веръ признаетъ самозванство, но не Отрепьева, а побочнаго сына Стефана Баторія: Петрей и Шаумъ говорятъ объ убіеніи Дмитрія, но почью, когда онъ сошелъ съ крыльца посмотрѣть на пожаръ: Патерсонъ тоже убѣжденъ, что Лжедмитрій былъ Лжедмитрій.

Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей, академикъ Миллеръ первый высказалъ сомнѣніе относительно самозванства Лжедмитрія. Современникъ Екатерины II и Миллера, князь М. М. Щербатовъ издалъ въ 1778 году „Краткую повѣсть о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ“, въ которой первымъ Лжедмитріемъ является Григорій Отрепьевъ. Н. М. Карамзинъ послѣдоваль старому русскому преданію и назвалъ перваго Лжедмитрія Григорьемъ Отрепьевымъ. С. М. Соловьевъ недосказалъ своего взгляда на перваго Лжедмитрія. Онъ называетъ его также Григоріемъ Отрепьевымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не допускаетъ того, чтобы онъ былъ обманщикъ, а признаетъ его человекомъ, вѣрившимъ, что онъ есть Дмитрій Царевичъ. Рождается вопросъ, какъ же могъ Григорій Отрепьевъ вѣрить, что онъ былъ Царевичъ Дмитрій? Этотъ вопросъ оставленъ безъ разрѣшенія Г. Бацыль выставяетъ двухъ самозванцевъ, одного, котораго готовили бояре, а другого—выставленнаго поляками и сыграннаго роль самозванца. Н. Костомаровъ въ своей диссертациі: „Кто былъ первый Лжедмитрій“ рѣшительно не признаетъ его Отрепьевымъ, видитъ въ немъ челоуѣка, вѣрившаго въ свое цар-

ственное происхождение, подготовленного боярами: почти готовъ признать его истиннымъ Царевичемъ. Въ своей „Исторіи смутнаго времени“ онъ уже считаетъ его обманщикомъ и хочетъ вывести его изъ Бѣлоруссіи. Въ началѣ послѣдней четверти минушаго столѣтія профессоръ Московской Духовной Академіи П. С. Казанскій въ своемъ изслѣдованіи „О личности перваго Дзедимитрія“ подвергъ весь вопросъ новому пересмотру и въ общемъ вернулся ко взглядамъ Карамзина и Соловьева. Но, признавая Дзедимитрія діакономъ Григоріемъ Отрешевымъ, П. С. Казанскій старательно очистилъ его личность отъ клеветы Бориса Годунова и правительственныхъ грамотъ, отнюдь не впадая въ идеализацію самозванства. Это не пьяница, не игрокъ въ кости, не воръ, который только изъ боязни смертной казни постригается въ монахи Подъ перомъ П. С. Казанскаго, Отрешевъ—впечатлительный мальчикъ таинственнаго происхожденія, одаренный богатой фантазіей, желѣзною волей и рѣдкой дерзостью ума: можетъ быть онъ даже только пріемышь Отрешевыхъ, а въ сущности незаконный ребенокъ болѣе знатнаго и вліятельнаго отца. Позади діакона Григорія даже нѣтъ политической партіи, нѣтъ бояръ съ ихъ просеками противъ Бориса: онъ почти одинъ выноситъ на своихъ плечахъ весь этотъ замыселъ воскресить Царевича Димитрія. Изслѣдованіе П. С. Казанскаго подняло и укрѣпило вѣру въ великорусское происхожденіе Дзедимитрія. В. О. Ключевскій говоритъ, что „трудно сказать, былъ ли первымъ самозванцемъ Григорій Отрешевъ, или кто другой, что впрочемъ менѣе вѣроятно“. С. О. Платоновъ въ своихъ очеркахъ „По исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI и XVII в.в.“ говоритъ, что „самозванецъ былъ дѣйствительно самозванцемъ, при томъ московскаго происхожденія“. Извѣстный изслѣдователь русской исторіи XVI вѣка и начала XVII о Пиррингъ первоначально допускалъ, говоритъ А. С. Суворинъ „О самозванцахъ въ драмахъ“ ⁴⁾, что самозванецъ былъ сынъ Іоанна Грознаго. Посвятивъ нѣсколько лѣтъ изысканіямъ въ Ватиканскомъ архивѣ, открывъ нѣскольکو важныхъ документовъ тамъ,—между прочимъ подлинное письмо само-

⁴⁾ А. С. Суворинъ Царь Димитрій самозванецъ и Царевна Ксенія. О самозванцѣ въ драмахъ, стр. X

званца на польскомъ языкѣ къ папѣ Клименту VIII, онъ склоняется въ новѣйшемъ своемъ сочиненіи („La Russie et le Saint Siègе“ III. Paris. 1901) въ пользу того, что это былъ монахъ Григорій Отрепьевъ. Въ тоже время графъ С. Д. Шереметьевъ, основываясь на неизданныхъ источникахъ, оживилъ было въ русской исторической литературѣ надежду доказать когда нибудь подлинность царя Дмитрія, спасшагося, быть можетъ, подъ именемъ шюка Леонида, предполагая, что Нагге допустили зарѣзать вмѣсто Царевича мальчика по фамиліи Истомна. О сдѣланныхъ имъ открытіяхъ и его соображеніяхъ мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, случайно изъ писемъ къ графу Шереметьеву покойнаго академика К. Н. Бестужева-Рюмина ¹⁾. Издатель „Новаго Времени“ А. С. Суворинъ въ цѣломъ рядѣ статей, которыя обратили на себя вниманіе, дерзнулъ пополнить пробѣлъ между строками Онъ готовъ видѣть спасеннаго Царевича просто въ діаконѣ Отрепьевѣ. Дмитрій, скрытый Нагги въ безопасномъ мѣстѣ и принявшій потомъ подъ именемъ Леонида монашество, въ 1603 году ушелъ изъ монастыря, что бы потребовать обратно свое наслѣдіе А. С. Суворинъ воспользовался при этомъ работами французскихъ невро-паталоговъ и нашелъ возможнымъ даже распознать въ нравственномъ складѣ и тѣлосложеніи претендента всѣ характерныя признаки природной эпилепсін: сочетанія великодушія и жестокости, грусти и веселости, недовѣрія и чрезмѣрной довѣрчивости, отсутствіе истиннаго чутья къ добру и злу, упорство въ преслѣдованіи фантастическихъ плановъ: затѣмъ неодинаковая длина рукъ, болѣзненная нервность и т. д. ²⁾

Эпилептическіе припадки, которыми, по мнѣнію А. С. Суворина, долженъ быть страдать сынъ Маріи Нагой, служа какъ бы наслѣдственной чертой, устанавливають такимъ образомъ связь между претендентомъ и его предполагаемымъ отцомъ и даютъ поводъ къ остроумнымъ комбинаціямъ. Но говорить К. Валшиевскій ³⁾, по всей видимости, имена Исто-

¹⁾ Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о смутномъ времени С.П.Б., 1898

²⁾ „Новое Время“ 1894 года №№ 6537, 6540, 6549, 6559, 6563 и 6565.

³⁾ Смутное время Переводъ съ французскаго подъ редакціей Е. Н. Щепкиной 1911 года, стр. 101

мнѣ и Леонидъ—просто незаконный плодъ басни и ошибка перепищика, смѣшавшаго вмѣстѣ помѣщенный въ одной изъ газетъ той поры (*Narratio succincta*, сохранилась въ Австріи—въ Вѣнской библіотекѣ) рассказъ о сынѣ нѣкоего благороднаго эстонца со свидѣтельствомъ синодика Магарьевскаго монастыря, гдѣ среди вписанныхъ членовъ царствующаго дома якобы находили имя монаха Леонида. На самомъ-то дѣлѣ записъ эта относится къ монахинѣ, *инокинь Леонидѣ*: возможное дѣло, что это была гретья жена Царевича Іоанна Іоанновича

Профессоръ А. Брюкнеръ, какъ и Шрлингъ, вернулись геперь къ русскому преданію и прямо называютъ Леонидію инокомъ Отрепьевымъ ¹⁾.

Святой страстотерпецъ благовѣрный Царевичъ князь Дмитрій, сынъ царя Іоанна Грознаго и Маріи Феодоровны изъ рода Нагихъ, родился въ г Москвѣ 19 Октября 1582 года, на память мученика Уара ²⁾. Онъ имѣлъ старшаго брата Феодора Іоанновича отъ другой жены, царицы Анастасіи Феодоровны. По старинному обычаю Московскихъ государей, Іоаннъ Грозный на смертномъ одрѣ своемъ 18 Марта 1584 г. младшему своему сыну младенцу Дмитрію пожаловалъ небольшой удѣлъ—городъ Угличъ съ уѣздомъ, а старшаго своего сына Феодора назначилъ государемъ Московскимъ и всея Россіи. Феодоръ Іоанновичъ отличался прекрасными свойствами души, былъ права кроткаго, челоуѣколюбиваго, набожности безцредѣльной, съ величайшимъ усердіемъ исполнялъ все обязанности истиннаго христіанина: но видѣлъ въ мірѣ только суету, чуждался тягостныхъ заботъ правленія и, имѣя все добродѣтели частнаго челоуѣка, былъ слабымъ вѣщениосцемъ, какъ болѣе склонный къ монашеской жизни, нежелалъ къ занятіямъ государственнымъ дѣлами ³⁾.

Зная неспособность къ правленію своего сына, Іоаннъ Грозный назначилъ ему въ помощь „Правительственную Коммисію“ или „Верховный Совѣтъ“ изъ пяти приближен-

¹⁾ Brückner, A., Tragedia Moskiewska „Przegląd Polski“, Краковъ 130—136

²⁾ „Прямое-жъ ему имя бысть Уаръ“ посвящали летописцы, С. Ф. Платовъ. Очерки по исторіи смуты, стр. 150 Тогда не переимѣняли имени, а прибавляли только любимое

³⁾ Н. Устряловъ. Русская Исторія ч. I, стр. 247.

ныхъ вельможъ, родственниковъ царя. Около другого сына Грознаго, царевича Дмитрія была своя родня, по матери его—Нагіе; къ нимъ примыкалъ и оруженничій царскій Б. Я. Бѣльскій, котораго иногда называютъ „дядькою“ или воспитателемъ маленькаго царевича. И Бѣльскій, и Нагіе не принадлежали къ Московской знати, и въ службѣ родня царевича Дмитрія, да и вообще люди его круга были гораздо ниже тѣмъ, кто держался около старшаго его брата Теодора.

Едва Грозный закрылъ глаза, какъ въ Кремлѣ, среди приближенныхъ царя Теодора, возникаетъ уже боязнь смуты, принимаются мѣры предосторожности, возникаетъ тревога. Однаковая непригодность двухъ царевичей къ личной дѣятельности какъ бы равняла ихъ въ отношеніи правъ на престолъ и можно было опасаться, что найдутся люди, желающіе передать власть отъ Теодора къ Дмитрію. Поэтому тотчасъ, по смерти Грознаго, признано было необходимымъ удалить изъ Москвы Дмитрія съ его матерью, дядями и нѣкоторыми другими болѣе далекими родными па его удѣль, въ Угличъ. Кое-кого изъ Нагихъ послали въ Низовые города на воеводства: выслали и Бѣльскаго изъ Москвы. Горькими слезами обливался старшій братъ, отцуская младшаго, какъ бы предчувствуя его грустную кончину¹⁾, но разлука ихъ требовалась государственными интересами, и царь долженъ былъ поступиться родственными и сердечными привязанностями.

Младенецъ Дмитрій, удѣльный князь Угличскій, отправленъ былъ въ княженіе свое съ подобающими почестями: „съ такимъ священно-тѣпнымъ чиномъ и украшеніемъ,—говорить лѣтописецъ,—якоже подобаетъ царскому сыну, и съ дароношеніемъ велимъ всего снисклита и самого царя, со кресты честными и со святыми иконами, съ литією и со святителями и со всеѣмъ причтомъ и со всеѣнароднымъ множествомъ всего царствующаго града въ торжествѣ великомъ, и при немъ бысть и мать его благовѣрная царица Марія, и еще дароваша ему ради управленія княжескаго престола его и пѣстуновъ и отъ снисклита царска сановныхъ мужей и бояръ добродѣльныхъ и богобоязненныхъ не мало, которіи идоша съ ними ради чести царскія провождающе и до

1) Никонов лѣт. ч. VIII, стр. 5.

стольного его града Углича ¹⁾. Кроме того, за Царевичемъ слѣдовали: кормилица, мамка, постельница, дѣти боярскіе, стольники, чашники, повара, помясы, конюхи, сторожа и „для охраны и ради Царскія чести“ четыре приказа стрѣльцовъ: приказъ Московскихъ, да приказъ конныхъ, да два приказа пѣшихъ.

Древній Угличъ, куда направлялся Царевичъ Димитрій, былъ „въ то время великъ и многонароденъ, пространенъ же и славенъ и всеми благами изобилова паче иныхъ городовъ въ державѣ Русской сущихъ княженіи престоловъ почтенныхъ и властительскіи государства украинена“ ²⁾. По свидѣтельству Угличскихъ лѣтописей, онъ имѣлъ 150 церквей, въ томъ числѣ три собора: Спасо-Преображенскій, Успенскій и Благовѣщенскій, двѣнадцать монастырей, изъ нихъ три дѣвичьихъ и девять мужскихъ; пятнадцать церквей находились на лѣвомъ берегу р. Волги. Вокругъ города со всѣхъ сторонъ, а особенно по дорогамъ разсѣяны были слободы на большое разстояніе, такъ что окружность его считали въ 24 версты. Въ Угличѣ считалось 17.000 тяглыхъ домовъ, несущихъ все повинности и оброки. Всѣхъ же жителей было въ Угличѣ 40,000 обоего пола и всѣхъ сословіи вообще. Дьяковъ, подъячихъ, писцовъ, стрѣльцовъ, или вообще всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ высшихъ и низшихъ, которые служили въ Угличѣ, считалось 9.000 человекъ ³⁾. Кроме того, что Угличъ былъ въ то время обширенъ, богатъ, онъ былъ и очень красивъ: онъ еще хранилъ все признаки стольнаго города бывшаго удѣльнаго княжества. На правомъ берегу Волги возвышался въ немъ „Кремль“, обнесенный крѣпкою стѣною съ башнями, вооруженными пушками, пищалями и самопалами и окопанный глубокимъ ровомъ, примыкавшимъ своими концами къ Волгѣ. Черезъ ровъ, наполненный водою изъ Волги и изъ впадающихъ въ нее маленькой рѣчки Шелковки и Каменнаго ручья, устроены были деревянные мосты противъ кремлевскихъ воротъ, ведущихъ изъ Волгѣ и въ городъ: эти ворота находи-

¹⁾ Изъ лѣтописца, принадлежащаго Е. В. Барсову Труды Яросл Губ. Уч. арх. Коммиссіи, в. I ст. 134—5.

²⁾ *ibid* стр. 144.

³⁾ Исторія г. Углича Кисселя, стр. 309—310.

лись въ двухъ башняхъ—Спасской и Никольской, и задвигались дубовыми засовами. Внутри Кремля красовался воздвигнутый въ 1462 году Угличскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ каменный двухъ-этажный дворецъ „со слуховыми рамами“, „четыре стѣны котораго въ верху были сведены красивыми трехъ-гольщиками и отдѣланы изразцовыми и небольшими фигурками изъ гончарнаго кирпича во вкусъ XV столѣтїя. Прочее строеніе продолжалось на востокъ отъ Кремля вплоть до Селивановскаго ручья. Около нынѣшней Воскресенско-Флоровской церкви и колокольни были княжескія конюшни, почему и Набережная рѣки Волги прежде называлась Конюшенной улицей. На противоположномъ берегу Волги прямо противъ Кремля находился княжескій хозяйственный дворъ, который служилъ вседневнымъ запаснымъ магазиномъ: отсюда, какъ изъ кладовыхъ, шло чрезъ Волгу все то, что только нужно было для содержанія двора и гостей. Для разведенія и содержанія рыбы здѣсь имѣлось сохранившееся досель „царское озеро“, большой и очень глубокой прудъ съ прекрасною ключевой водою.

По народному преданію, твердо державшемуся еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтїя, на томъ же лѣвомъ берегу Волги, недалѣе двухъ верстъ отъ Углича, въ нынѣшнемъ селѣ Красномъ стояли княжескія хоромы, служившія Угличскимъ владѣльчымъ князьямъ мѣстопробываніемъ въ лѣтнее время. Этимъ преданіемъ воспользовался г. Киссель при составленіи своей „Исторіи г. Углича“ и помѣстилъ въ ней между прочимъ, при описаніи окрестностей города, слѣдующія слова о селѣ Красномъ: „по нѣкоторымъ извѣстіямъ и преданіямъ извѣстно, что на мѣстѣ нынѣшняго села Краснаго былъ прежде княжескій потѣшнїй дворецъ и охотничїй дворъ, въ которомъ Угличскіе князья съ гостями, боярами и боярскими дѣтьми потѣшались соколиною охотою“¹⁾ Красное мѣстоположеніе села Краснаго дѣйствительно могло быть излюбленнымъ княжескимъ мѣстомъ. Какъ само село, такъ и окружающая его мѣстность, благодаря ряду возвышенныхъ холмовъ, которые оная имѣются протекающею у подножія ихъ рѣчкою Корожечною, наиболѣе живописны изъ окрестностей города. Съ этой мѣстности виднѣсь весь Угличъ.

¹⁾ Страница 390

панорама котораго съ этого пункта восхитительна: предъ глазами цѣлый рядъ старинныхъ церквей Угличскихъ, разнообразныхъ по архитектурѣ и стилю и раскинувшихся вѣдь почти рядомъ на небольшомъ пространствѣ кругого поворота рѣки Волги. Въ окрестностяхъ села Краснаго есть большой прудъ, сохранившій за собою до нашего времени названіе „Лебединого“. По преданію, этотъ прудъ, являющійся частью загородныхъ владѣній князя, предназначался для княжыхъ лебедей. Существовалъ еще загородный дворецъ Угличскихъ князей къ западу отъ Углича въ такъ называемыхъ Иерусалимскихъ слободахъ. Древнія Иерусалимскія слободы разлились отъ современнаго села, да и самое ихъ мѣстоположеніе едва ли было на этомъ мѣстѣ. Цѣлый рядъ остововъ каменныхъ зданій съ явными признаками жилья, находящихся въ настоящее время въ городскомъ владѣніи подъ именемъ „Рыжечника“, какъ разъ противъ современной слободы, немного правѣе по направленію къ Покровскому монастырю, даютъ возможность предполагать, что древнія Иерусалимскія слободы находились именно въ этомъ мѣстѣ, нынѣ заросшемъ хвойнымъ лѣсомъ. По сказанію лѣтописей, Дмитрій царевичъ съ своею матерью и дворомъ, подъѣзжая къ Угличу вечеромъ, прибылъ именно въ Иерусалимскія слободы и остановился почевать въ загородномъ дворцѣ, а на другой день онъ торжественно встрѣченъ былъ населеніемъ города.

Если Дмитрія царевича съ его матерью и родными съ удовольствіемъ отпустили изъ первопрестольной Москвы, то съ какою радостью и сердечнымъ умиленіемъ приняли ихъ радушные угличане. „Тогда прослышавше,—говоритъ лѣтописецъ,—приходъ благовѣрнаго государя своего царевича Дмитрія, вси людіе, живущіе въ градѣ Угличѣ, что плеть на княженіе Угличское слышъ царевъ властодержавствовати престоломъ града сего, возвѣстили о таковомъ величїемъ царскомъ сына пришествїи святителю Ростовскія епископїи. И той со всѣмъ клиромъ своимъ церковнымъ ускори прїити на верѣтеніе ему во градъ и облечеса во святительскую одежду, такожь и игумены Угличскихъ монастырей и всего града священныи соборъ псыдя предъ нимъ со кресты честными, во священныхъ одеждахъ и съ шпїею и цѣснями торжественными, съ нимъ-же шествуя и вси граждани и бо-

ляре и сановники и простіи людіе угличскіи отъ маля до велика собраніемъ многолюднымъ, и встрѣтиша его съ поклопеніемъ любочестнымъ и съ торжествомъ великимъ за градомъ. И вшедь во градъ въ велицей чести и славъ и дароношеніи, веденъ же бысть и въ соборную церковь Преображенія Господня трехлѣтній сунціи сынъ царскій и на государствѣ Угличскомъ святителемъ посажденъ бысть во княженіе. И тогда бысть во градѣ Угличѣ радость велия и порфиропосное процвѣтаніе, и царскій чертогъ украшенъ и увеличенъ сыномъ царевымъ и царицею матерію его“ 1) Изъ родственныхъ царевича во дворцѣ жилъ, кажется, только Андрей Александровичъ Нагой: прочіе имѣли свои дворы въ городѣ.

Княжество царевичево было, судя по пуждамъ и потребностямъ того времени, достаточно для содержанія его, родственниковъ и двора. Конечно, трудно опредѣлить величину княжества: но несомнѣнно, что оно занимало нынѣшніе уѣзды Угличскій, Мышкинскій и часть Мологскаго 2). Къ тому же въ то время, счастливое для Углича, пробудилась дѣятельная жизнь и на кормилцѣ Волгѣ Россія тогда была спокойна внутри: торговля въ ней процвѣтала, и Угличъ, издревле торговавшій мяскою рухлядью, добываемою въ дремучихъ лѣсахъ его, какъ столица князя, окруженнаго дворцовыми чиновниками, не могъ не привлекать къ себѣ купцовъ и торговцевъ, которые, безъ сомнѣнія, обогащали княжескую казну. Въ ближней Волгѣ была тогда всемірная ярмарка: еще была ярмарка въ Веспехонской 3), и угличане принимали въ нихъ дѣятельное участіе. Принимая во вниманіе все эти обстоятельства, мы можемъ утвердительно сказать, что Угличское княжество было тогда богато и что семейство царевича Дмитрія жило здѣсь въ совершенномъ довольствіи и могло наслаждаться спокойствіемъ. Самъ царь, Ѳеодоръ Иоанновичъ, оставался въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ Угличскимъ удѣльнымъ дворомъ: въ Москву съ именинъ царевича 19 октября, на память мученика Уара („ангелъ его молить въ той день“) Нагіе присылали государю широгіи, а

1) Труды Ярослав. губ. уч. архивн. комм., вып. I, стр. 135

2) Акты Археогр. Экспед., т. II, стр. 424.

3) Акты Археогр. Экспед., т. I, 228, 292.

государь одаривалъ царицу Марію Феодоровну мѣхами, ея же послаца А. А. Нагого камками и деньгами ¹⁾.

Для самой царицы-матери Дмитрія царевича таковое положеніе почетной изгнанницы изъ столицы не представлялось бы, пожалуй, несчастіемъ, если бы „дворъ“ ея сына составляли ея, царицыны, люди. Но, повидимому, это были все чуждые для нее лица, приставленныя къ ней, Богъ вѣсть, для какой цѣли: по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ ихъ одна лишь кормилица Ирша Жданова-Тучкова пользовалась ея довѣріемъ. Это—несчастливѣйшая изъ царицъ, испытанная въ первую же беременность горе супруги разлюбившаго мужа-царя: въ это время Грозный некалъ себѣ знатной англійской певѣсты, чтобы еще болѣе укрѣпить дружественную связь съ Англіею, и царица Марія Феодоровна ежедневно должна была ядять для себя, по примѣру своихъ предшественницъ, или заточенія въ монастырь, или какой-либо еще худшей участи. Теперь, оставшись съ единственнымъ сыномъ, она не желала ничего болѣе, кромѣ тихой уединенной жизни, и въ Угличскомъ дворцѣ, какъ въ монастырь, проводила время въ усердной молитвѣ. Въ глубинѣ своего дворца она утѣшала себя ангельскимъ взоромъ сына своего младенца: онъ замѣнялъ ей престоль, царство, весь почетъ, весь міръ, ибо все счастье цѣлой ея жизни заложилось въ немъ одномъ. Благодѣтельствовать угличанамъ была также единственная ея отрада, которая соединяла ее еще съ міромъ. Какъ истинная христианка, Марія Феодоровна каждый день раздавала милостыню щедрой рукой, помогала бѣднымъ семействамъ, утѣшала несчастныхъ, была матерью осиротѣлымъ: своею ласковостью и внимательностью она и царевичъ пріобрѣли общую любовь всѣхъ угличанъ, вносивъ дѣтви тяжко за это поплатившихся. Когда Дмитрій царевичъ подросъ, она сама водила его въ соборный храмъ Спасо-Преображенія помолиться Господу Богу и поклониться гробницѣ Святаго благовѣрнаго князя Романа Угличскаго († 1285 г.) ходила и въ другія церкви: въ дворцовую, Константино-Еленинскую и въ дѣвичій Богоявленской монастырь, находившійся тогда въ Кремлѣ. По нѣкоторымъ сказаніямъ ²⁾,

¹⁾ С. О. Платоновъ, очерки исторіи смуты, стр. 150.

²⁾ Киссель. Исторія г. Углича, стр. 227 и 239.

царевичъ, первый выходя изъ церкви, любилъ подавать на паперти бѣлымъ милостыню. Онъ возрасталъ и укрѣплялся въ силахъ тѣлесныхъ и душевныхъ, учился читать, писать, по словамъ лѣтописей, также риторикѣ и богословію (т. е. началамъ русскаго языка и катехизису) съ такимъ усердіемъ, что удивлялъ своихъ наставниковъ. Царевичъ былъ характера живого, рѣзваго, дарованія имѣлъ отъ природы отличныя, остроуміе въ его лѣта необыкновенное и вообще способности самыя блестящія.

По мѣрѣ того, какъ возрасталъ младенецъ, росла къ нему любовь его матери: но эта любовь по временамъ тревожно заставляла биться вѣще ея сердце: не добрые люди обручили царичу. Въ особенности возросла ея тревога съ тѣхъ поръ, какъ въ Угличъ прибыли государевы чиновники: дьякъ Михайлъ Битяговскій съ сыномъ, его племянникъ Никита Качаловъ, да товарищъ Михайловъ, да дашла Третьяковъ, да Осипъ Волоховъ—сынъ мамки царевича боярыни Василисы Волоховой. Зачѣмъ прибыли они? Официально они прибыли на службу: Михайло Битяговскій былъ главный начальникъ въ Разрядной избѣ, слѣдовательно служилъ царевичевымъ финансовымъ интересамъ: но въ частной жизни онъ неприятный былъ человекъ для Нагихъ: съ нимъ, въ особенности съ Михаиломъ Феодоровичемъ, онъ велъ себя высокомерно, тѣшилъ ихъ въ выдачѣ слѣдовавшихъ имъ доходовъ, а между тѣмъ съ Василисой Волоховой и ея сыномъ Осипомъ, неприятными царичѣ людьми, Битяговскіе жили въ близкихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, съ прибытіемъ въ Угличъ этихъ лицъ возросло для царичи чистю лишь чуждыхъ и неприятныхъ для нее людей. И удвоились заботы ея о многомъ сынѣ: ни днемъ, ни ночью не отпускала его отъ себя. Зорко слѣдила царича за приготовленіемъ купанья для царевича, не давала ему вѣсть и пить, сама предварительно не отвѣдавъ приготовленнаго. И не напрасны оказались опасенія, тревога и предчувствіе матери-царичи.. Кому же и зачѣмъ нужна была преждевременная смерть ея сына?

При воцареніи Феодора Ивановича первое мѣсто при дворѣ въ Верховномъ Совѣтѣ занималъ родной дядя царя по матери, Никита Романовичъ Юрьевъ, весьма любимый народомъ, но вскорѣ болѣзнь и смерть его расчистили дорогу къ власти другому лицу, шурина царя, Борису Феодоровичу Го-

дунову. Пользуясь характеромъ царя и поддержкой сестры, парницы Ирины Феодоровны, онъ постепенно отгѣшилъ отъ тѣхъ другихъ чиновъ двора и самъ сталъ править государствомъ именемъ зятя. Однако, по замѣчанію Лѣтописцевъ, Годуновъ не на добродѣтель направлялъ свои превосходныя способности, а „на лукавство“, подозрительность и властолюбіе“ и захватъ имъ власти возбуждалъ явное противодействие со стороны нѣкоторыхъ бояръ. Раздѣлились они на двѣ стороны: на одной—Борисъ Годуновъ съ дядьями и братьями, съ нѣкоторыми князьями, боярами, дьяками и многими служилыми людьми; на другой сторонѣ—князь Иванъ Феодоровичъ Мстиславскій, а съ нимъ Шуйскіе, Воротыньскіе, Головины, Конычевы и другіе служилые люди и чернь московская ¹⁾ Вражда была ожесточенная, потому что важна была причина, ее породившая: старинныя княжескія и боярскія фамиліи не могли равнодушно смотрѣть на возвышеніе Годунова, занявшаго это мѣсто единственно благодаря личнымъ достоинствамъ. И положеніе его было очень сложное: шуринъ юнаго царя, кроткаго, набожнаго и добраго, но нелюбившаго выпать въ дѣла государственныя своимъ умомъ, онъ былъ самымъ довѣреннымъ его руководителемъ. Борьба шла теперь не за первенство и преобладающее вліяніе въ Верховномъ Совѣтѣ, а прямо за регенство, за управленіе: стало очевиднымъ, что царевичей временщикъ чрезъ помощія регента можетъ приблизиться къ обладанію престоломъ. Разъ заявивъ это именно положеніе, при е табомъ царѣ, Борисъ почиталъ невозможнымъ итти на какое инбудь соглашеніе съ противной стороной, ненависть которой къ себѣ хорошо зналъ, да и эта сторона не думала вовсе о какомъ-либо соглашеніи, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, и, пока чувствовала себя сильною, боролась на смерть. Кто же остался побѣдителемъ въ этой борьбѣ? Первѣе всѣхъ палъ Иванъ Мстиславскій: его пострани въ монахи и заточили въ Кирилловъ монастырь, о новременно съ нимъ Воротыньскіхъ, Головиныхъ и многихъ другихъ разослали по городамъ, нѣкоторыхъ заключили въ темницы. Датье другихъ

¹⁾ Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о раззореніи Московскаго государства, изд. 2 е Москва 1788 г стр. 9

держались Шуйскіе: былъ моментъ, когда они едва не оспаривали Бориса.

Въ 1586 году Иванъ Петровичъ Шуйскій и другіе бояре, гости московскіе и все люди купеческіе согласились и рукописаніемъ утвердились бить челомъ царю о разводѣ съ неплодной царицей и о вступленіи въ новый бракъ, чтобы имѣть наследника престола: сторону ихъ держалъ и Митрополитъ Діонисій. Борису готовился роковой ударъ, но онъ во время узналъ о заговорѣ и разрушилъ его. Митрополиту онъ поставилъ на видъ, что разводъ есть незаконное дѣло, царь еще молодъ и царица цвѣтетъ здоровьемъ, красотой и добродѣтелью, а потому у нихъ могутъ быть и дѣти, а если и не будетъ, то престолъ не останется праздымъ, ибо живъ Димитрій царевичъ. Это обстоятельство очень замѣчательно въ судьбѣ царевича Димитрія. Годуновъ здѣсь торжественно призналъ его наследникомъ престола. Митрополитъ до вѣкъ былъ извиниться въ необдуманномъ шагѣ и просилъ не метить Шуйскимъ и ему, Митрополиту, Борисъ обѣщать, по вѣкорѣ жестоко отчитать и Шуйскимъ, и Митрополиту. Въ 1587 году Шуйскіихъ обвинили въ измѣнѣ и перехватаніи: Ивана Петровича схватили на пути въ Суздальскую его вотчину, перехватали и друзей его, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Колычевыхъ, Баскаковыхъ и другихъ: людей ихъ пытали разными пытками и много крови пролили: пытали крѣпкими пытками и гостей московскихъ Феодора Нагого съ товарищами и напрасно. По окончаніи слѣдствія Ивана Петровича Шуйскаго сослали въ вотчину его, а потомъ на Бѣлое озеро и тамъ удавили: князя Ивана Татеева сослали въ Астрахань, Крюка-Колычева—въ Нижній Новгородъ въ каменную тюрьму, Баскаковыхъ, и другихъ знатныхъ людей разогнали по городамъ, а гостямъ московскимъ отѣкли головы, другихъ торговыхъ людей заключили въ тюрьмы, нѣкоторыхъ разослала по городамъ на житье ¹⁾. „Лилась кровь на пыткахъ, на плахѣ“—читаемъ въ лѣтописи о многихъ мятежахъ, „лилась кровь въ усобицѣ боярской“, и вотъ Митрополитъ Діонисій вспомнилъ свою обязанность печалованія. вмѣстѣ съ Крутицкимъ Архіепископомъ Варлаамомъ началъ говорить царю о многихъ несправдахъ Годунова. Постыдѣннѣй обо-

¹⁾ Лѣтопись о многихъ мятежахъ. стр. 11, 12.

датель царю архіереевъ: Діонисій и Варлаамъ были свергнуты и заточены въ Новгородскіе монастыри; въ митрополиты возведенъ былъ Ювъ, архіепископъ Рязанскій, а на мѣсто Варлаама поставленъ Геласій—лица вполнѣ преданныя Борису.

Борисъ освободился отъ всѣхъ соперниковъ. Послѣ падепія Шуйскихъ и Митрополита Діонисія съ Архіепископомъ Варлаамомъ никто уже не осмѣливался возставать противъ непобѣдимаго правителя. Онъ величался Конюшимъ (высшій боярскій чинъ) и близкимъ великимъ бояриномъ, намѣстникомъ царства Казацкаго и Астраханскаго; правительствомъ иностраннымъ давалось знать, что если они хотятъ получить желаемое отъ Московскаго правительства, то должны обращаться къ шурину царскому, котораго просьбы у царя безъ исполненія не бывають; правительства иностранныя поняли это, и мы видимъ, что Годуновъ переписывается съ Императоромъ, королевою Англійскою, съ ханомъ Крымскимъ, съ великимъ визиремъ Турецкимъ, принимаетъ у себя пословъ. По извѣстіямъ иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ, Борисъ былъ правителемъ государства по имени и паремъ по власти.

Не ему ли нужна была теперь смерть царевича Димитрія, чтобы на случай смерти слабаго Θεодора сдѣлаться самому царемъ и по имени, или по крайней мѣрѣ, удержать за собою при жизни его положеніе, котораго онъ уже добился столь многими жертвами? Лѣтописи и многочисленныя сказанія объ убіеніи царевича Димитрія *въ одинъ голосъ* утверждаютъ это и до пропалаго столѣтія *не было написано ни одного слова въ опроверженіе этого утвержденія*. Только въ мнѣшнемъ столѣтіи, именно со времени изданія въ 1813 году, такъ называемаго „Стѣдственнаго дѣла объ убіеніи царевича Димитрія Іоанновича“ ¹⁾ стали раздаваться нѣкоторыя голоса въ защиту и обѣленіе Годулова отъ тяготящаго падшимъ обвиненія въ царубійствѣ. Ужасное обѣдствіе, постигшее въ царствованіе самозванца Бориса и всю его прекрасную семью невольнo вызываетъ участіе къ нему, какъ „несправедливому члену отпущенія суда Божія“ и, безъ сомнѣнія, защита его ищателями нашего вѣка дѣлаетъ честь ихъ сострада-

1) Напечатано въ собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. II т. 103—123

тельному сердцу. Но чувство истинны, долгъ повѣствователя побуждаютъ признать, что *противъ* Бориса остается *множество* уликъ, и *прямыхъ*, и *косвенныхъ*.

Борисъ не любилъ царевича Димитрія. Не смотря на то, что онъ въ *необходимыхъ* случаяхъ самъ признавалъ царевича наследникомъ престола, все-таки употреблялъ противъ него разнаго рода мѣры,—и весьма рѣшительныя. Онъ хотѣлъ объявить Димитрія незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой вѣнчанной супруги Іоанна Грознаго и потому запретить молиться за него, какъ члена царскаго дома и поминать его въ церквахъ, но увидѣлъ, что это соблазнило многихъ, ибо послѣднее супружество Грознаго, хотя и дѣйствительно незаконное, было однакожъ утверждено или, по крайней мѣрѣ, терпимо церковною властью, которая торжественнымъ уничтоженіемъ его признавалась бы въ двоедушіи, нетерпимомъ св. Церковью, къ двоинному соблазну православныхъ, и царевичъ Димитрій, не смотря на то, что былъ отъ шестого или седьмого брака, во мнѣніи народномъ все же остался царевичемъ, единственнымъ законнымъ наследникомъ бездѣтнаго царя Феодора Іоанновича. Въ виду такихъ обстоятельствъ Борисъ вынужденъ былъ отмѣнить свое распоряженіе: но все-таки при случаѣ не переставалъ высказывать свое мнѣніе о незаконнорожденности Димитрія: смѣло утверждалъ это въ своихъ сношеніяхъ съ польскимъ правительствомъ.

Царевичъ, царица и Нагіе окружены были преданными Борису людьми. Угличемъ правили присланные изъ Москвы дьяки и другіе чиновники (городовой приказчикъ и губной староста): исполняя обязанности своей службы, они въ то же время доносили Борису о томъ, какъ живетъ царевичъ и что вообще дѣлается во дворцѣ и Угличѣ. Годуновъ зналъ все, что дѣлалось и говорилось въ Угличѣ: зналъ и то, чего и здѣсь не знали: слышалъ и то, о чемъ и здѣсь не слышали. Такъ, сторонники Бориса въ Москвѣ говорили всенародно, что Димитрій есть совершенное подобіе свирѣпаго отца (это отрокъ-то въ шесть—семь лѣтъ!), любить муку и кровь, съ веселіемъ смотреть на убіеніе животныхъ и самъ для забавы убиваетъ ихъ. Въ Москвѣ разсказывали и другую сказку, что царевичъ, играя однажды на льду съ другими дѣтьми, велѣлъ сдѣлать изъ снѣга 20 человѣческихъ

фигурь, называть ихъ именами знатнѣйшихъ бояръ, поставитъ ихъ рядомъ и начать рубить *саблею* (!); фигурь Бориса отсѣкъ голову, инымъ руки и ноги, приговаривая: „такъ будетъ вамъ въ мое царствованіе“. Конечно, въ подобныхъ донесеніяхъ, какъ говоритъ Авраамій Палицынъ, „вразсуде и ласкатели великимъ бѣдамъ замышленницы въ десятирницу лжи составляюще на царевича“ ¹⁾. И подобно сказать, хитрый Годуновъ мѣтилъ въ цѣль довольно вѣрно; и безъ сомнѣнія, многіе, помня Грознаго, вѣрили этимъ клеветамъ, хотя были и такіе, которые, угадывая опасность, предстоящую певничному младенцу, опасались за жизнь его: было много и такихъ, которые, въ противоположность пелѣнымъ клеветамъ, утверждали, что юный царевичъ обнаруживаетъ умъ и свойства, достойные отрока державнаго: говорили объ этомъ съ умилеиіемъ и опасеиіемъ, угадывая цѣль клеветы и предвидя опасность для певничаго младенца ²⁾.

Но и безъ этихъ доносовъ и слуховъ возраставшій царевичъ, по выраженію Авраамія Палицына, „краснѣйшій юноша“ не могъ не казаться опаснымъ и именно такому дальновидному и предусмотрительному политику, какъ великій ближній бояринъ Борисъ Теодоровичъ. Остановливая свое вниманіе на мысли о близкой кончѣ Теодора и воображая себя Димитрія его преемникомъ, онъ не могъ спокойно наслаждаться своимъ настоящимъ величіемъ; гѣмъ болѣе не могъ безъ ужаса представить себя будущую судьбу своей сестры Ирину и свою личную, равно участь и предстоящую жизнь всего своего семейства, среднѣковъ и многочисленныхъ своихъ приверженцевъ. По его представленію, Ирину могъ ожидать монастырь, его же самого со всѣми близкими ему—немишуемая гибель. Но Борисъ достигъ уже такой высоты надъ всѣми подданными Теодора, облеченъ былъ отъ царя такимъ довѣрїемъ и полномочїемъ, что долго не могъ задумываться о средствахъ къ сохраненію своего пастоящаго по южонїя: чувствуя, что мечты уносятъ его дальше и выше своего пошлостїа, — онъ надѣялся достигнуть вѣнца царскаго. Но между властолюбцемъ и трономъ стояла важная

¹⁾ Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря ст. 2.

²⁾ Исторія Государства Росс. Н. М. Карамзина, т. X, стр. 77 (изд. 1892 г.)

преграда—царевичъ Дмитрій. Въ душѣ честолюбиваго Бориса не могло быть ни малѣйшаго колебанія въ выборѣ царскаго вѣнца или позорной гибели, и онъ рѣшился какими-бо то ни было средствами устранить съ своего пути безоруженнаго младенца. Имѣя нужду въ пособникахъ, онъ прежде всего открылся своимъ ближнимъ въ своихъ преступныхъ замыслахъ. Изъ ближнихъ только одинъ дворецкій Григорій Васильевичъ Годуновъ горько скорбѣлъ по поводу злыхъ замысловъ своего полновластнаго родственника, и за то былъ удаленъ изъ совѣта; все другіе думали, что смерть царевича Дмитрія необходима для безопасности правителя и его приверженцевъ и для государственнаго блага. Рѣшили пачать съ яда. Мамка царевича, боярыня Василиса Волохова и сынъ ея Оешиъ, продавъ Годунову свою душу, явились пужнымъ орудіемъ злодѣянія: по влѣдствію какихъ-то неизвѣстныхъ причинъ совершить чернаго дѣла посредствомъ отравы не пришлось: вѣдь виновствующая царица мать изъ своихъ рукъ кормила и поила ребенка и смотрѣла зорко за приготовленіемъ ему пищи и питія; а кромѣ того, можетъ быть, и совѣсть еще сдерживала Василису отъ исполненія ужаснаго намѣренія: наконецъ, можетъ быть, смертоносное зелье несправно было приготовлено рукою неумѣлою или неопытною. Только петербургскій Борисъ, видя, что царевичъ остается живъ и здоровъ, рѣшился употребить въ дѣло иныхъ, болѣе смѣлыхъ злодѣевъ. Выборъ палъ на двухъ чиновниковъ: Владиміра Загряжскаго и Никифора Ченчупова, одоженныхъ милостями правителя. Но когда имъ сказали объ этомъ, они оба отказались. Они готовы были сами умереть за Бориса, но дупеубство совершить не брались и обязались лишь молчать: за это уклоненіе они подверглись гоненію. Борисъ былъ въ большемъ горѣ, что дѣло не удастся: тогда усерднѣйшій приверженецъ Бориса, окольникій Андрей Лушъ-Клепшншъ угвѣшилъ его: „не печалься, говоритъ онъ, у меня много родныхъ и друзей: желаніе твое будетъ исполнено“. И гоучо, Клепшншъ уже у себя на дому собралъ сходку изъ своихъ друзей и предложилъ взять на себя кому нибудь изъ нихъ исполненіе порученія. Все отказалось, но, какъ говоритъ Гюгосенць, въ одного только вошелъ дѣволъ, какъ въ Іуду Искаріотскаго. Это былъ дякъ Михайло Бигяговскій, отличавшійся звѣр-

скимъ правамъ и свирѣпымъ видомъ. Явился онъ къ Клепшцу и сказалъ: „хочу исполнить вашу волю“. Клепшницъ доложилъ объ этомъ Борису, который призвать къ себѣ Михайла Битяговскаго, обѣщать ему почести и совершенную безопасность и, подаривъ его, отправилъ въ Угличъ на должность полновластнаго завѣдывающаго всѣми дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы ¹⁾. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли въ Угличъ сынъ его Данило, племянникъ его Никита Качаловъ, да товарищъ Михайловъ Данило Третьяковъ, да Осипъ Волоховъ—сынъ мамки царевича, также удостоенные полной довѣренности.

Д. Лавровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Никон. лѣт ч. XVIII, стр. 15—17.